

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ

Арля вездесущего Фишро для женского исполнении никак не подходит. И все же в устах помощника режиссера Государственного академического театра драмы Лит. ССР Регины Зикарене она — беру на себя смелость утверждать — прозвучала бы вполне правдоподобно. И, пожалуй, автобиографично. Задача Зикарене проследить, чтобы за кулисами все актеры были готовы к началу спектакля, чтобы на сцене разместились все декорации, чтобы на пульте управления, который находится на другом конце зрительного зала, действовали все кнопки, рычажки, микрофоны... А тут еще свет, реквизит, звуковые шумы... Вот почему с утра до вечера (а надо еще бывать на всех утренних репетициях) и выходит: Регина — здесь, Регина — там...

Искусство ли это? Творчество ли? Режиссер — тут все понятно: собственные прочтении пьесы. Он ставит спектакль. Ну, а его помощник? На все репетиции ходит, все знает наизусть и идеально. Но на ее плечах — лишь организационная административная работа.

Мы привыкли к тому, что редко начало спектакля запаздывает больше чем на две минуты, и все декорации меняются вовремя, и актер (если так задумано режиссером) свой монолог в темно-

те не произносит. «Когда начинала, — говорит Регина, — очень трудно было. Никак не могла запомнить все операции, которые мне нужно проведи. Из окошечка пульта управления видел полный зрительный зал, на сцене идет действие. Волнуешься — не упустишь бы чего, не подвести и... торопишься. Актеры еще не доиграли, а я уже даю сигнал убирать декорацию. Как-то играли спектакль, где много декораций. Я всегда боялась уйти со сцены, хотела, чтобы все декорации при мне поставили. Не успела проверить состав подготовленных к спектаклю актеров. Не заметила, что одного нет. И начала спектакль. Пришлось по ходу действия сокращать одну из сцен». Это было семь лет назад. А не так давно во время спектакля «Иосиф Швейк против Франца Носифа» сломалась деревянная кровать. А со сцены ее убрать как-то нужно. Решение Регина Зикарене нашла мгновенно. Подала команду актерам на сцене: «Поднимайте и на руках выносите...» Зрители в зале

сохранили приятное заблуждение, что данный «трик» сочинен режиссером.

Пьеса Я. Гашека «Иосиф Швейк против Франца Носифа» часто идет в театре. Старший костюмер Е. Жаките приходит на спектакль за два часа до начала. Ей надо подготовить костюмы. Проверить, все ли на месте: начная от платьев, шляп, шадел и кончая такой «мелочью», как маленькая бронь. Вроде бы незначительная деталь. Но без нее женский костюм чеховской эпохи выглядит незаконченным. И Жаките из кусочка бархата и нескольких стеклянных бусинок мастерит ее сама. Или пришьет на темную шляпу, принадлежащую в одном из спектаклей почтенной даме, яркий кокетливый цветочек.

Восемь тысяч костюмов составляют «хозяйство» старшего костюмера. Она помнит каждый. Есть и любимые. Сложные, пышные костюмы из «Газимера Сапеги», со множеством деталей: стоячими воротниками, фижмами на юбках. А в старинном комоде бережно хранятся костюмы, которым... более тридца-

ти лет. Изумительные кружевные шали, бархатные лифы, расшитые бисером. Сегодня они не играют в спектаклях.

Без специального костюма нельзя выйти на сцену. Это театр! Он всегда должен создавать иллюзию реальности происходящего на сцене. «Сиюминутности» события.

В новом здании театра состоялась премьера двух одноактных пьес Ю. Марциянвичюса «Прометей» и «Икар». Роли слепого отца Икара Дедала и старика Океана сыграл заслуженный деятель искусств Лит. ССР Л. Норейка.

«Долго искали грим. — вспоминает гример Л. Меркелене. — по эскизам художника предполагалось придать героям несколько стилизованный античный облик. Художник представлял себе этих двух стариков с длинными седыми волосами, но этому для роли Океана мы готовили Л. Норейке парик. Чтобы как-то подчеркнуть слепоту Дедала, решили глаза артисту заклеить кусочками тюля. Но все это получалось как-то грубо и совсем не устраивало исполнителя».

И тогда артист и гример

стали искать. Постепенно исчез парик, «скромнее» стали усы и борода. Пропали и тюлевые наклейки. Нашли нечто противоположное, но оказавшееся удивительно точным. Окружность глаза покрасили темными тонами грима. Так выразили слепоту. Весь облик исполнителя стал строже, естественнее. И очень помог передать не внешнее соответствие, а сам дух античной трагедии. «Гример не механически следует замыслу художника. Мы помогаем актеру найти точки соприкосновения с характером. И каждый раз присутствуем при удивительном процессе. Когда здесь, перед гримерным столиком, происходит вживание в героя», — говорит Л. Меркелене.

На 2—3 минуты в перерывах между картинами погружается в темноту сцена. За это время реквизиторам приходится помянуть до 15 штук мебели. А еще: тарелки, подсвечники, салфетки. Даже карандаш положить на стол иногда нужно. И все это необходимо сделать почти на ощупь и обязательно бесшумно.

Наверное, сила театра как раз в этом — в единстве мастеров всех театральных профессий. Они тоже творцы того чуда, имя которому спектакль.

Т. ИВАНОВА.